

А.А. Иванова

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Мы пережили жисть —
такой жисти никто не пережил!
Никто не пережил!
Я не знаю, как мы целы остались.

*Кутищева Нина Георгиевна,
1931 г.р., с. Жерелёво
Куйбышевского р-на Калужской обл.*

Статья написана по полевым материалам фольклорных экспедиций МГУ, работавших на территориях, подвергшихся в годы Второй мировой войны немецкой оккупации. Воспоминания, записанные от участников и очевидцев тех событий, представляют собой личные травматические версии исторического прошлого, отличающиеся от героического grand narrative, тиражируемого в литературе, кинематографе и средствах массовой информации. При изучении подобных эго-документов с междисциплинарных позиций принципиально важно учитывать наличие в их структуре двух слоев: событийного (что случается) и ментально-чувственного (как случившееся воспринимается, переживается и оценивается). Они определяют основные стратегии меморизации исторического прошлого: эгоцентричность (выбор себя в качестве «осевого» персонажа нарратива), селективность, интерпретативность (субъективная оценка прожитого), деиерархичность (личный характер масштабирования событий), реверсивность (регулярное воспроизведение в разнообразных контекстах одного и того же набора воспоминаний). Инвариантный сценарий нарративного развертывания устных

Иванова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bratynia@ Rambler.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»): создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья».

воспоминаний о жизни в оккупации, хранящийся в коллективной памяти, включает следующие темы: приход немцев; период оккупации (немцы на постое → лишения — голод, холод, отсутствие одежды и нормального жилья, принудительная работа, др. → насильственная депортация части населения в Германию → партизанское движение; карательные операции) → отступление немцев и депортация ими гражданского населения → освобождение оккупированных территорий советскими войсками или партизанами → возвращение депортированного и эвакуированного гражданского населения в родные места. Опираясь на данный культурный жизненный сценарий, нарраторы создают *свои* life stories, в которых набор тем, их последовательность, способы раскрытия, детальность прорисовки и степень достоверности могут быть различными. В мужских воспоминаниях прожитое представлено событиями, связанными казуально (линейная нарративная композиция): за образец берутся официальные жанровые формуляры (автобиография, характеристика, резюме и т.п.). Женские воспоминания строятся на ассоциациях (нелинейная гипертекстовая композиция): на первый план выходит не событийная, а эмоциональная сторона прожитого, поэтому рассказы тяготеют к фольклорным жанрам (плачам и песням). Мужские и женские мемуары отличаются и «настройками» автобиографической памяти: соответственно центрированностью воспоминаний «на себе» и «на других». Поскольку в условиях оккупации ответственность за судьбу детей и стариков легла на плечи женщин, их личные воспоминания, часто излагаемые от первого лица множественного числа, приобретают обобщенный характер и выражают коллективную точку зрения на случившееся. В мемуаратах, записанных от «детей войны», не способных в силу возраста осознать экзистенциальную сущность смерти, трагические события передаются с кинематографической детальностью и точностью, но в эмоциональном отношении почти нейтральны, отстранены (эффект амнезии).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; устная история; культурный жизненный сценарий; автобиографический мемуарат; мужской текст; женский текст; детский текст.

В ситуации празднования 75-летия окончания Второй мировой войны, когда причины ее развязывания и итоги победы над фашистской Германией пытаются пересмотреть не только в политических кругах, но и в научном сообществе, особую значимость приобретает изучение устных эго-текстов — воспоминаний участников и очевидцев. В отечественной науке интерес к устной истории Великой Отечественной войны проявился относительно недавно [Человек и война, 2004; Шайде, 2004; Кринко, 2005; Память о войне, 2005; Поршнева, 2005; Реброва, 2005; Юсупова, 2005 а, 2005b, 2005c, 2005d; др.]. «Запоздание» объясняется рядом причин: предпочтением письменных документов, воспринимавшихся исследователями в качестве более объективных источников; расхождением видения и оценки

событий с позиций индивидуальной и коллективной памяти²; табуированностью ряда тем, из-за чего фольклорным экспедициям кафедры русского устного народного творчества МГУ, долгие годы работавшим на территориях, подвергшихся немецкой оккупации (Калужская, Брянская, Орловская обл.), редко удавалось вывести местных жителей на доверительную беседу (исключение составили рассказы о подвигах партизан и расправе немцев с мирными жителями, оказывавшими им посильную помощь, которые вполне укладывались в версию официального grand narrative). В качестве дополнительного — внутреннего — цензора выступала графа личного дела, фиксировавшая пребывание человека или кого-то из его родственников на оккупированной территории, поскольку это обстоятельство могло стать основанием, препятствующим продвижению по служебной лестнице (многие предпочитали не афишировать подобные факты своей биографии). И только в последние два десятилетия об оккупации немногочисленные оставшиеся в живых свидетели стали рассказывать охотно, подробно и эмоционально (внутренней цензуре по-прежнему подвержена лишь одна болезненная тема — сексуальная сторона оккупационного режима).

При изучении автобиографических рассказов следует иметь в виду наличие в их структуре двух слоев: событийного («то, что в личной жизни “случается” или “приключается”») и ментально-чувственного (как это событие переживается и воспринимается человеком) [Винокур, 2007: 24]. По совокупности они определяют основные стратегии меморизации исторического прошлого: *эгоцентричность*, *селективность*, *интерпретативность*, *деиерархичность*, *реверсивность* [Левкиевская, 2009].

Эгоцентричность предполагает выбор самого рассказчика или лица из его ближайшего окружения в качестве «осевого» персонажа, вокруг которого выстраивается нарратив [Неклюдов, 2004]. Селективность памяти позволяет преодолеть объективную континуальность и избыточность исторических событий и персонажей, и ментальная мемориальная проекция истории приобретает субъективный, дискретный и неполный характер. В устном рассказе нередко оказываются соположенными исторические события большого

² «У этих историй различные адресные аудитории и разные культурные функции. Если первая обращена к слушателю как члену малой группы, семейной или соседской, то вторая — к гражданину страны, участвовавшей и победившей в самой грандиозной и кровавой в истории человечества войне» [Кормина, Штырков, 2005]. Соответственно, в личном нарративе представлена преимущественно травматическая интерпретации (“narratives of trauma”), а в официальном («властном») grand narrative, тиражируемом в литературе, кинематографе, средствах массовой информации, — героическая.

и частного масштаба, что порождает «телескопический эффект», допускающий хронологические «сбои», при которых незначительные события отдаляются во времени, а важные — приближаются [Нуркова, 2008]. Подобная деиерархизация — следствие способности памяти аксиологически и эмоционально осмысливать прошлое, поэтому интерпретативность и реверсивность также рассматриваются историками, психологами, социологами и антропологами в качестве базовых стратегий меморизации прошлого [Реброва, 2005; Сапогова, 2005; Голубев, 2006; Нуркова 2008, 2009].

Поскольку в прожитой жизни человека соединяются социотипический и индивидуальный эмпирический жизненный опыт, устные воспоминания разных людей, разделенных пространственно, но не событийно, весьма схожи и имеют общую содержательную и поэтическую топику; см. фрагменты воспоминаний об изъятии немцами продуктов у местных жителей (а) и о «голодной кухне» (б):

а) *«О! Мы на печи сидим уже пять человек: я, Миша, Леня, Валя... Как подъехали, ага: “Матка, яйки! Матка, яйки!” Махнул рукой и ушел. Мама: “Ох, дети! Немцы приехали! Сундук! Дайте сундучок”. И этот сундучок у печку схоронила: а то ж отбьют»* (СПП — АКФ 2006, т. 1, № 587³); *«Как придут, все кричат: “Яйки! Молоко!”»* (МАЕ — АКФ 1987, т. 29, № 151); *«Бывало, ходять немцы по домам: “Матка, яйка! Матка, курка! Матка, млека!”»* (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48);

б) *«Зерна не было. Картошка осталася у поле, картошку собирали вясной, картошку эту мерзлую. Баранки из ея и лепешки пякли. Тошнотики. Мы блины там пякли и усё»* (БТИ — АКФ 2006, т. 1, № 398); *«Крапиву, ладно, ели, лебяду ели. Картошки, что под зиму осталася, собирали. Собирали. Может, знаете, тошнотики называли. Бывало, босиком пойдем весною, наберем этой мерзлой картохи: мерзлые картохи они как бы превращались в крахмал. Вот мы тогда принесем, чистим шелуху эту, в ступе толкли и пекли баранки, вот эти тошнотики назывались. Вот что ели»* (РАН — АКФ 2006, т. 3, № 223); *«Ой, и клевер, и лебеду. И картошки с зимы оставались, лепешки ели. Картошка вот перешла на крахмал, все ходили, рыли, чистили, толкли в ступах и пекли кто лепешки, кто блины»* (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 189).

Для этих тем слова *матка, яйки, млеко; лебеда, мерзлая картошка, крахмал, осталася, пекли, лепешки, баранки, блины, тошнотики* являются ключевыми. Подобные наборы опорных лексем без труда можно выделить и для других тем. Для людей, переживших оккупацию, она была временем крайнего физического и психического напряжения, **сопровождавшегося???**ТАК нарушениями привычного образа

³ Ссылки на архив кафедры русского устного народного творчества (АКФ) даются с указанием года записи и места хранения.

жизни, подневольностью⁴, потерей близких⁵, здоровья, голодом⁶, холодом⁷, отсутствием элементарных жилищных и гигиенических условий⁸, а главное — страхом: «*Так мы и жили. Жили и боялись. Всё вместе выбивало из ума*» (ЛМК — АКФ 1987, т. 31, № 181); «*Не дай господь этой <войны. — Соб.>! Лучше корку сухую ълодать, чем ету войну. Дуже страшно!>*» (ААП — АКФ 2014, т. 3).

Лишения и испытания лежат в основе инвариантного сценария нарративного развертывания устных воспоминаний о жизни на оккупированных территориях, который хранится в коллективной памяти социумных групп разного масштаба — семейных, деревенских и др.:

1. Приход немцев.

2. Период оккупации:

а) немцы на постое;

б) лишения и способы выживания (голод, холод, отсутствие одежды и нормального жилья, принудительная работа);

⁴ «*Заставляют маму ъготовить ешь. Моя мама ни в какуя, ни в какуя! <...> нет и ъсё! Заволичила-то етого моего брата маленького на руках, держить, я-то под крылышко подбилася к маме, под подмышку. Она говорить: “Ну стреляй! Њсё равно, может, и жить нам незачем! Может, уже батьку застрелили, убили! Вы, может, моюъ мужа убили, батьку моих дятей, а я вам варить буду?!” Ну, в общем, в отчаянности была*» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48).

⁵ «*Копали и сажали там капусту. И одна женщина копала и выкопала такую красивую игрушку и кольцо. И схватилась за это кольцо: “Бабы, гляньте, во игрушку нашла!” Как взорвалась! Эта игрушка убила ее тут же. Трое детей осталось*» (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 151).

⁶ «*Трудно пережили. Не приведи господь! Врагу не пожелаешь войну: ъолод, ъолод, траву ели! По траву за семь километров ходили. Вы не знаете: трава называется раковые шейки? <...> Вот этот лист мы рвали, сушили, толкли и пякли. Трава и ешь трава. Хорошо, у кого корова ешь, молоком запить, траву ъ ъорло проънать. А у нас немцы корову отняли... Ой, победствовали! Потом вот тоже лошадиный щавель сушили, пякли, толкли Свёклу терли, хлеб пякли. А какой там хлеб?!>*» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48); «*... для моей семьи голод был абсолютный: ни хлеба, ни картошки. Трава: щавель, свекольная ботва, немножко лебеды... Ну и было три курицы. Если два яйца снесли, это праздник*» (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 318).

⁷ «*Хату запалили, а я детей кой-как выхватила оттуля. Тут камень на камне не остался. Выхватила! И на улице на чистом поле были! Не одеть ничего! Только одну одеялицу как девчоночку эту Ленку (еще маленькая была: полгодочка), ухватила одеялице это. Тогда ъсех накрыла их, голых, в рубашонках. Накрыла ж!» (СПР — АКФ 1985, т. 2, № 190).*

⁸ «*... Немцы-то двинули, заехали сюда-то вот в дярвеню: ни чурочки, ни палочки, ни соломинки — чистое поле, пепел один. Одни стоять печки, да трубы торчать. <...> Ауже холодно: конец октября, заморозки были. <...> Конопля была посеяна. Конопля етой надъргали снопами, связали, так-то вот шалашиком поставили, конопля поставили и ночевать лягли» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48); «*Деревни все были жжженные. Только наша деревня и Мельяновичи остались. Вокружение зашли, надо ж было жить. Вкустах жили, кто в землянках, кто в повозке. А немцы еше и скот угоняли. Худо! Хоронились так: кто ъ болоте, кто ъ лесе, кто ъ логу, где-нибудь к воде поближе» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190).**

- в) насильственная депортация в Германию;
- г) партизанское движение;
- д) карательные операции.
- 3. Отступление немцев и принудительная депортация.
- 4. Освобождение.
- 5. Возвращение в родные места.

Опираясь на данный культурный жизненный сценарий (КЖС)⁹, рассказчики создают *свои* life stories, в которых набор тем, их последовательность, способы раскрытия, детальность прорисовки и степень достоверности могут быть различными. Известный психолог В.В. Нуркова полагает, что для устной истории характерны четыре оптики видения и оценки прошлого: «Ядром воспоминания *Участника* исторического события является его личный опыт. <...> *Очевидец* физически не включен в событие, однако оно свершается “на его глазах”. Пространственное и временное совпадение с историческим событием формирует абсолютную убежденность в истинности своего опыта. <...> Позиция *Современника*, т.е. человека, совпавшего с тем или иным событием во времени, но разминувшегося в пространстве <...>, является наиболее проблематичной в смысле истинности воспоминаний об общезначимом историческом событии. <...> Человек, который переживает связь с историческими событиями, имевшими место до его рождения, занимает позицию *Наследника*. В отсутствие личного опыта относительно события он выступает в качестве реципиента готовых формул — схем исторических событий. Причем если информация об отдаленных во времени событиях поступает обычно из нейтрального источника, то знания о более близких периодах черпаются также из семейных преданий» [Нуркова, 2009: 9–12]. Полевые записи из архива кафедры русского устного народного творчества МГУ вполне укладываются в эту типологию.

Прожитая жизнь обычно представлена отдельными событиями, связанными казуально или ассоциативно: в первом случае формируется линейная композиция (характерна для рассказов, записанных от мужчин), во втором — «ветвистая», гипертекстовая (к ней тяготеют женские воспоминания). Е.Е. Сапогова, специалист по этнической, гендерной и нарративной психологии, связывает эту особенность, в частности, с тем, что одно и то же событие, ассимилированное в разные в половозрастном отношении воспоминания о нем, создаёт «когерентные волны», способные развиваться по разным векторам с ориентацией на различное «предзнание» [Сапогова, 2005]. И если

⁹ КЖС — «культурная модель последовательности наиболее значимых для жизни человека событий» и способов их проживания (тексты строятся вокруг «сильных», системообразующих точек человеческого бытия) [Нуркова, Днестровская, Михайлова, 2012].

для мужчин в качестве прецедентных текстов обычно выступают официально-деловые жанровые формуляры (автобиография, личный листок по учету кадров, характеристика, резюме и т.п.), в которых последовательно причинно-зависимо обозначены главные этапы бытия (рождение — учеба — служба в армии — работа — женитьба — рождение детей и т.д.), то для женщин — фольклорные (причитания). Ср. воспоминания о казни мужчин деревни Ямное, записанные от двух свидетелей — мужчины и женщины: « [За связь с партизанами не расстреливали?] *У Ямном. Там ўсех. Женщин только оставили и кто переоделся. Два человека. Один ишишо и щас живой. Уригу загнали, бензином облили и подожгли. Машина немецкая ехала, и какой-то солдат бузанул в эту машину*» (ФПТ — АКФ 2006, т. 1, № 229); «*Немцы-то, как туда шли, были добрые, а обратно — ох, злые! Деревни ўсе были жженые! Только наша деревня и Мельяновичи остались. В окружение зашли, надо ж было жить! В кустах жили, кто в землянках, кто в повозке. А немцы еще и скот угоняли. Худо! Хоронились так: кто ў болоте, кто ў лесе, кто ў логу, где-нибудь к воде поближе. Надо скот — скот заберут, лошади надо — лошадь заберут, надо молодежь — молодежь заберут, угонят. Насбирали у нас молодых-то, гнали бугром и порасстреляли их ўсех! Ямное — мужчин ўсех пожгли! А женщины были в ригу загнаны! А ў селе Григорьино молодежь ўсю пожгли! Буграми лежали один на другого сцепленные! Так и горели. А вот детей пустили ў баню и отравили ўсех! То еще в колодезь маленьких! А вот еще уродовали: на штык при матке ребенка и смотри, как ребенок кричит. А не смотришь, по морде: мол, подымай глаза*» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190). В мужской версии скупо и отстраненно обозначены узловые моменты случившего (нападение на немецкую машину, месть за погибшего солдата вермахта всем мужчинам деревни, неожиданное спасение двух из них, переодевшихся в женскую одежду), в женской — на первый план выходит эмоциональная сторона трагедии, которая вплетается в канву переживаний, вызванных другими схожими случаями.

Мужские и женские мемуары отличаются и «настройками» автобиографической памяти: центрированностью воспоминаний «на себе» или «на других». Поскольку в условиях оккупации ответственность за судьбу детей и стариков легла на плечи женщин, их личные воспоминания, часто излагаемые от первого лица множественного числа, приобретают обобщенный характер и выражают коллективную точку зрения на случившееся: «*Как немцы пришли к нам, они у нас в хате стали, а потом мы в сарай с племяшом перешли. И раз ночью стащили автомат, закопали на огороде и патроны к нему. Немцы схватились, где пистуля ихняя, искали, искали, но не нашли. Недолго пошумели и ушли в другую деревню, а через два дня к нам партизаны*

пришли. А мы еще раньше автомат перехоронили: в капусте закопали...» (МАЕ — АКФ 1987, т. 29, № 151).

Большинство исполнителей, с которыми работали фольклорные экспедиции МГУ, знающих о войне не понаслышке и рассказам родителей, а непосредственно переживших ее в качестве участников и свидетелей, на момент событий были детьми, не способными охватить и оценить «взрослый» мир войны и меру его опасности для себя [Баранова; Рыблова, 2014; Реброва, 2014]. Не понимая, что всё вокруг изменилось, в своем поведении «при немцах» они апеллировали к привычному образу жизни: *«А у нас ведь сахара — мешками он не стоял. Да и потом пожары, грабежи, полицаи там с немцами валенки ищут или еще что-то. Если там сахарку заметили, это тоже комси-комса, как они говорили: унесли. Ну, короче говоря, сладкого мы не видели. Взрослые это уж не так легко переносили, а малолетнему человеку вообще отсутствие сладкого в рационе — большая проблема»* (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 308). Любопытство и физические потребности в еде, игре и проч. одерживали верх над страхом быть убитым: *«Везде заложено: то снаряды валялись, мины. Сколько мальчиков... Они же любопытные. Сколько их поубивало! Найдут какой-нибудь и им же интересно поглядеть. Как рванет и всё!»* (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 151).

В основе рассказов «детей войны» лежит зрительная и слуховая, а не когнитивная память, оттого их воспоминания с кинематографической точностью передают детали увиденного и услышанного: *«А когда стали выходить из дому, провожать, тут завопили, заулосили, запричитали. И я подхватила, проснулась. Выскочила вот в ночной рубашонке, они вот туда-то прошли. Я как дернула за ними вслед, за етым. А идуть: плач страшный, всё стоит у хате этот стон, все плачуть»* (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 47); *«Пробыли мы няделю. Тихо: ни немца, ни ууку, тишина. Как у двянацать часов открылся бой — уорить зямля, небо! А мы что знаем? Только одна полятить, друуая ву-у-ухх! Потом стало чуть-чуть уудеть, как чтой-то урохонуло, как посыпались красные оуни! Ну и ляжим — уул удей-то»* (БАП — АКФ 2014). Поскольку экзистенциальная сущность смерти не осознается маленькими детьми, их воспоминания об убитых в эмоциональном отношении нейтральны, отстранены (эффект детской амнезии): *«И когда началась вся эта суматоха, бомбежка, дед мой коло окна этого кирпичного дома стриг эту мою сестру. И они как-то соединились вместе: дед мой с этой маленькой сестрой. А тут по дороге очень быстро немецкая какая-то черная легковушка и прямо над ней наш самолет. <...> самолет бросил бомбу и улетел <...>. Смотрю — у сестренки платок разорванной и череп вот здесь — во смят! И только пленочка дышает. И этим же осколком, если б дед попере-*

дил чуть вперед, мою сестру бы убило. А то этот осколок ранил мою сестру, того деда, вот этого Степана, прямо в грудь этот же осколок! И этот прибег, а висел в доме рукомошничек чугунный с двумя носиками, вот нагнешь — из носика вода течет. И он умылся, говорит: “Свят, меня, наверное, ранило”. Вот. И он потянулся за полотенцем, хотел взять — и уже сел. Посмотрели, а он уже помёр. Через стену — дом деревянный был — через стену убило осколком деда за столом. Ну это ж война, на кого тут судить?!» (ЧГН — АКФ 2006, т. 5, № 31); «Мать держит за поводок корову, подходит немец отбирать корову. Мать не даёт. Он начал ее бить. Мать не отдаёт. Корова начала топтаться. Потоптала ей ноги, всё вот. Он выкручивает с винтовки шомпол и начинает шомполом бить матерю по спине — мать опять не отдала. Снимает, только не вытащишь этом, острым, а с ремня снимает кинжал с этом, с чехлом, матери пробил здесь вот, тупым этом концом, руку. Мать опять не отдала. Он начал драть с ей одежду всю, да. Мать опять не отдала...» (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 309).

Особенности детской оптики особенно заметны в рассказах о контактах с немецкими солдатами, сочувствовавшими местному населению. Обобщенный образ немца как *другого, чужого, чудного, плохого*, сформированный в фольклоре и литературе [Белова, 2005; Папилова, 2013] и активно тиражируемый во время войны в средствах массовой информации, в воспоминаниях «детей войны» расслаивается, обретает не только конкретность, но и более широкий спектр оценок: «У немецев своё ўсё было. У них хорошо было. И конфеты. У них конфеты вот такие пачки. Помню: стоим мы с кумом коло порожка, а немец Юзик хороший был. Вот и немцы ж хорошие бывают! Стоим мы, глядим вот так-то. А он глядел-глядел на нас и несёт нам: хлебушка помазал маслом. Иише и по пачке конфет дал. Вот такие пачки. И ў пачке десять кругленьких конфет, как таблетки. И вот ён поднес, а я говорю: “Спасибо!” Мы и пошли домой. “Ма, погляди, нам немец”. Немец хороший был. Я всё время вспоминаю: “Чи живой ты?” Всё молила Богу, чтоб живой остался» (СПП — АКФ 2006, т. 1, № 587); «И немцы разные тоже, как наши. Бывают добрые, бывают злые. Первые вот у нас хорошие были. Детей жалели, шоколаду давали. Говорили: “Если бы, комрад, домой, домой”. Потом уж злые были» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190); «В общем, я не сказал бы, что немцы плохие вот <...>. А так они были уважительные. А вот были финны, румыны и венгры — эти беспощадно грабили народ. Все, что было у жителей (какие куры, какие гуси там или какой скот), прямо убивали и уносили. <...> финны шли — это плохие, а немцы лучше» (ЧГН — АКФ 2006, т. 5, № 31); «... нам, когда предложили эвакуироваться, немец пришел один и говорить (хороший, вроде, добрый был): “Матка (на маму), ты киндерков и во <показывает пальцами рога коровы. — Соб.> ў лес,

ўлес. Пан... Наш пан боится партизан". И мы ушли. <...> Там землянки сабе повырыли и жили» (ГНА — АКФ 2014, т. 1, № 3).

В заключение отмечу, что прямые лично окрашенные устные свидетельства о войне, порой расходящиеся в оценках с ее официальными версиями, как «уходящая натура» требуют пристального изучения филологов, этнографов, историков, социологов и психологов.

Исполнители:

ААП — Алешкина Анна Петровна, 1925 г.р., пос. Черновский Шаблыкинского р-на Орловской обл.; АПА — Антонов Павел Афанасьевича, 1931 г.р., с. Жерелево Куйбышевского р-на Калужской обл.; БТИ — Башановак Татьяна Ивановна, 1918 г.р., д. Дегирёво Куйбышевского р-на Калужской обл.; ГНА — Голубева Нина Ффанасьевна, 1933 г.р., с. Сомово Шаблыкинского р-на Орловской обл.; ДЕФ — Драенкова Евдокия Фоминична, д. Рубеженка Куйбышевского р-на Калужской обл.; КНГ — Кутищева Нина Георгиевна, 1931 г.р., с. Жерелёво Куйбышевского р-на Калужской обл.; ЛМК — Лобачева Мария Климовна, 1900 г.р., д. Бестань Куйбышевского р-на Калужской обл.; МАЕ — Максимова Арина Егоровна, 1908 г.р., д. Белашовка Куйбышевского р-на Калужской обл.; РАН — Рубченкова Александра Никифоровна, 1934 г.р., д. Петроселье Куйбышевского р-на Калужской обл.; СПП — Сазоновой Прасковьи Петровны, 1930 г.р., с. Закрутое Куйбышевского р-на Калужской обл.; ФПТ — Феденков Павел Терентьевич, 1928 г.р., д. Жёлны Куйбышевского р-на Калужской обл.; ЧТС — Чигазова Татьяна Степановна, 1937 г.р., д. Рядовичи Шаблыкинского р-на Орловой обл.

Список литературы

1. *Баранова В.В.* «Детский взгляд» в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического нарратива. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova4.htm> (дата обращения: 09.01.2020).
2. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
3. *Винокур Г.О.* Биография и культура. 2-е изд. М., 2007.
4. *Голубев А.В.* Нарративная стратегия в биографическом рассказе // Устная история в Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 2006. С. 11–16.
5. *Кормина Ж., Штырков С.* Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nikto-ne-zabyt-nichto-ne-zabyto-istoriya-okkupaczii-v-ustnyh-svidetelstvah.html> (дата обращения: 30.01.2020).

6. *Кринко Е.Ф.* Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблема взаимовосприятия // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 329–344.
7. *Левкиевская Е.Е.* Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009. С. 159–178.
8. *Неклюдов С.Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М., 2004. С. 26–36.
9. *Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования. М., 2008. С. 87–102.
10. *Нуркова В.В.* История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
11. *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 25. [Электронный ресурс]. URL: psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html (дата обращения: 30.01.2020).
12. Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005.
13. *Папилова Е.В.* Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
14. *Поршнева О.С.* Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург, 2005. Вып. 4. С. 112–119.
15. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический анализ. На материалах Краснодарского края: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
16. *Реброва И.В.* Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 2 (25). С. 80–89.
17. *Рыблова М.А.* «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4. История. 2014. № 4 (28). С. 37–50.
18. *Сапогова Е.Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
19. Человек и война: страницы военной истории России. Петрозаводск, 2005.
20. *Шайде К.* Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 1–26.
21. *Юсупова Л.Н.* Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: Страницы военной истории России. Петрозаводск, 2005. С. 24–33.

22. Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 345–351.
23. Юсупова Л.Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны в Карелии: опыт интерпретации устных воспоминаний // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI научной конференции. М., 2004. С. 386–389.
24. Юсупова Л.Н. Образ матери в воспоминаниях крестьянских детей о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война 1941–1945: опыт изучения и преподавания: Межвузовская научная конференция. М., 2005. С. 91–96.

Anna Ivanova

REMINISCENCES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR BY RESIDENTS OF OCCUPIED TERRITORIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article draws on folklore expeditions field work by Lomonosov Moscow State University students in the Russian territories that used to be occupied by Nazis during WWII. Eyewitnesses of the events share their vision of the wartime past which is different from the heroic grand narrative encountered in literature, cinema, and media. Studying this sort of ego-documents from an interdisciplinary perspective presupposes taking into account two structural layers: the event layer (what happens) and the mental-sensory layer (how the event is perceived, experienced, and evaluated). These define the main strategies for memorizing the historical past: egocentricity (choosing yourself as the “axis” character of the narrative), selectivity (selection of events that are significant and subject to storage in time), interpretativeness (subjective assessment of the past), non-ierarchic (personal character of events scaling), reversibility (regular reproduction in various contexts of the same set of memories). The narrative deployment invariant scenario of oral memories of life in occupation, stored in the collective memory, includes the following topics: the arrival of Nazis; the period of occupation (hardships — hunger, cold, lack of clothing and adequate housing, forced labor, etc. → forced deportation of the population to Germany → guerrilla movement; punitive operations) → the retreat of the Nazis and deportation of civil population in order to protect themselves from regular Soviet troops and partisans → liberation of the occupied territories by Soviet troops or partisans → the return of the deported and evacuated civilians to their homes. Drawing on this cultural life scenario, narrators create their own life stories which can vary in terms of how themes are set, how they follow each other, and how they are disclosed, depicted, and authenticated. In men’s memories, the past is represented by events related casually (linear narrative composition): official documentary genre forms (autobiography, characteristics,

summary, etc.) are taken as a model. Women's memories are based on associations (non-linear hypertext composition): the emotional side of life comes to the fore, not the event side, and the stories tend to look like folk genre forms (lamentations and songs). The male and female narrators differ in the way how they set their autobiographical memories — men produce self-centered memories, while women focus on others. Since it is women who were to care about children and elderly people in the occupation, their personal recollections are often expressed with the use of first person plural pronoun, which takes on a generalized character, expressing a collective point of view on what happened. The 'war children' surveyed were not able to understand the existential essence of death due to their age, yet they depict the tragic events with cinematic detail and accuracy, but in an emotional sense they are almost neutral and detached (psychologists call this feature of the child's psyche the effect of amnesia).

Key words: Great Patriotic War; occupation; oral history; cultural life scenario; autobiographical memoir; men's text; women's text; children's text.

About the author: *Anna Ivanova* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bratynia@rambler.ru).

References

1. Baranova V.V. "Detskij vzglyad" v vospominaniyah o vojne: osobennosti avtobiograficheskogo narrativa ["Children's View" in Memories of War: features of Autobiographical Narrative]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova4.htm> (accessed: 09.01.2020). (In Russ.)
2. Belova O.V. *Etnokulturnye stereotipy v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Ethnocultural Stereotypes in Slavic Folk Tradition]. Moscow, *Indrik Publ*, 2005. 288 p. (In Russ.)
3. Vinokur G.O. *Biografiya i kultura* [Biography and Culture]. 2-e izd. Moscow, *URSS Publ*, 2007. 96 p. (In Russ.)
4. Golubev A.V. Narrativnaya strategiya v biograficheskom rasskaze [Narrative strategy in a biographical story]. *Ustnaya istoriya v Karelii*. Vyp. 1. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, pp. 11–16. (In Russ.)
5. Kormina Zh., Shtyrkov S. Nikto ne zabyt, ничто не забыто. Istoriya okkupacii v ustnyh svidetelstvah [No One is Forgotten, Nothing is Forgotten. History of Occupation in Oral Evidence]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nikto-ne-zabyt-nichto-ne-zabyto-istoriya-okkupaczii-v-ustnyh-svidetelstvah.html> (accessed: 30.01.20). (In Russ.)
6. Krinko E.F. Okkupanty i naselenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: problema vzaimovospriyatiya [Occupants and Population during the Great Patriotic War: the Problem of Mutual Perception]. *Voenno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*, 2003/2004. Moscow, *Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya*, 2005, pp. 329–344. (In Russ.)

7. Levkievskaya E.E. Chlenenie istoricheskogo vremeni v ustnoj kulture vostochnyh slavyan XX veka [The Division of Historical Time in Oral Culture of Eastern Slavs of XX cent.]. *Znaki vremeni v slavyanskoj kulture: ot barokko do avangarda*. Moscow, *Izdatel'stvo Instituta slavyanovedeniya RAN*, 2009, pp. 159–178. (In Russ.)
8. Neklyudov S.Y. “Scenarnye shemy” zhizni i povestvovaniya [“Scenario Diagrams” of Life and Storytelling]. *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy*. Vyp. 2. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 2004, pp. 26–36. (In Russ.)
9. Nurkova V.V. Doverchivaya pamyat: Kak informaciya vključaetsya v sistemu avtobiograficheskikh znaniy [Trusting Memory: How Information is Included in the System of Autobiographical Knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya*. Moscow, *Gnozis Publ*, 2008, pp. 87–102. (In Russ.)
10. Nurkova V.V. Istoriya kak lichnyj opyt [History as Personal Experience]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology]. 2009, № 1, pp. 5–27. (In Russ.)
11. Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mihajlova K.S. Kulturnyj zhiznennyj scenarij kak dinamičeskaya semantičeskaya struktura (re)organizacii individualnogo zhiznennogo opyta [Cultural Life Scenario as Dynamic Semantic Structure of individual life experience organization]. *Psihologičeskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn*. 2012. T. 5. № 25. URL: psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html (accessed: 30.01.20). (In Russ.)
12. *Pamyat o vojne 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later. Russia, Germany, Europe]. Moscow, *New literary review*, 2005. 784 p. (In Russ.)
13. Papiłova E.V. Hudozhestvennaya imagologiya: nemcy glazami russkikh (na materiale literatury XIX v.) [Artistic Imagology: the Germans through the Eyes of Russians (Based on the Material of the XIX cent. Literature)]. Avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2013. (In Russ.)
14. Porshneva O.S. Fenomen istoričeskoj pamyati o vojne [The Phenomenon of Historical Memory of War]. *Uralskij vestnik mezhdunarodnyh issledovanij* [Ural Journal of International Studies]. Ekaterinburg, 2005, vyp. 4, pp. 112–119. (In Russ.)
15. Rebrova I.V. Velikaya Otechestvennaya vojna v memuarah: istoriko-psihologičeskij analiz. Na materialah Krasnodarskogo kraja [The Great Patriotic War in Memoirs: Historical and Psychological Analysis]. Avtoref. Diss. ... kand. istoričeskikh nauk. Krasnodar, 2005. (In Russ.)
16. Rebrova I.V. Mir detskogo povsednevnosti v uslovijah okkupacii Severnogo Kavkaza [The World of Children Everyday Life under the Occupation of the North Caucasus]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. Seriya: Istoriya. 2014, № 2 (25), pp. 80–89. (In Russ.)
17. Ryblova M.A. “Territoriya detstva” v prostranstve Velikoj Otechestvennoj vojny [“Territory of Childhood” in the Space of the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 4. Istoriya. 2014, № 4 (28), pp. 37–50. (In Russ.)

18. Sapogova E.E. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste kulturno-istoricheskoy psihologii [Autobiographical Narrative in the Context of Cultural and Historical Psychology]. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and Historical Philology]. 2005, № 2, pp. 63–74. (In Russ.)
19. *Chelovek i vojna: Stranicy voennoj istorii Rossii* [Man and War: Pages of Russian Military History]. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005. 100 p. (In Russ.)
20. Shajde K. Kollektivnye i individualnye modeli pamyati o «Velikoj Otechestvennoj vojne» (1941–1945 gg.) [Collective and Individual Models of Memory of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Ab Imperio*. 2004, № 3, pp. 1–26. (In Russ.)
21. Yusupova L.N. Velikaya Otechestvennaya vojna v Karelii v istoriko-antropologicheskom izmerenii: fenomen voennogo detstva [The Great Patriotic War in Karelia in the Historical and Anthropological Dimension: the Phenomenon of Military Childhood]. *Chelovek i vojna: Stranicy voennoj istorii Rossii*. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005, pp. 24–33. (In Russ.)
22. Yusupova L.N. Voennoe detstvo v pamyati pokoleniya, perezhivshogo okkupaciyu v Karelii [Military Childhood in the Memory of the Generation that Survived the Occupation in Karelia]. *Voенно-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*, 2003 / 2004. Moscow, *ROSSPEN Publ*, 2005, pp. 345–351. (In Russ.)
23. Yusupova L.N. Mir krestyanskogo detstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny v Karelii: opyt interpretacii ustnyh vospominanij [The World of Peasant Childhood during the Great Patriotic War in Karelia: Experience in Interpreting Oral Memories]. *Narod i vlast: Istoricheskie istochniki i metody issledovaniya: Materialy XVI nauchnoj konferencii*. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2004, pp. 386–389. (In Russ.)
24. Yusupova L.N. Obraz materi v vospominaniyah krestyanskih detej o Velikoj Otechestvennoj vojne [The Image of Mother in the Memories of Peasant Children about WW II]. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945: opyt izucheniya i prepodavaniya: Mezhvuzovskaya nauchnaya konferenciya*. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2005, pp. 91–96. (In Russ.)